

Генри КИССИНДЖЕР

Генри КИССИНДЖЕР

Годы в Белом доме
том II

Издательство АСТ
Москва

УДК 94(73)
ББК 63.3(7Сое)-8
К44

Серия «Геополитика»

Henry A. Kissinger

WHITE HOUSE YEARS

Перевод с английского *В. Верченко*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературного агентства
The Wylie Agency (UK), Ltd.

Фотоматериалы предоставлены фотоагентством
«ООО Галло Имиджес РУС» (Getty Images).

Киссинджер, Генри.

К44 Годы в Белом доме. Том 2 / Генри Киссинджер ; [перевод с английского
В. Верченко]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 736 с. — (Геополитика).

ISBN 978-5-17-119047-7 (Общ.)

ISBN 978-5-17-119048-4 (Т. 2)

В этом томе мемуаров «Годы в Белом доме» Генри Киссинджер рассказывает о своей деятельности на посту советника по национальной безопасности президента США Ричарда Никсона, о прорыве в отношениях с Китаем, о новой странице в отношениях с Советским Союзом и о трудных переговорах по завершению Вьетнамской войны.

УДК 94(73)
ББК 63.3(7Сое)-8

ISBN 978-5-17-119047-7
ISBN 978-5-17-119048-4

© Henry A. Kissinger, 1979
© Перевод. В. Верченко, 2019
© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Содержание

Часть первая: 1971 год

- I. Американо-советские отношения: прорыв на двух фронтах
Польские бунты. Канал начинает действовать. Переговоры по ОСВ
и соглашение от 20 мая. Берлинские переговоры. В итоге встреча
на высшем уровне. 7
- II. Стычка: индийско-пакистанский кризис 1971 года
Причины трагедии. Два циклона. Военное столкновение. Кризис нарастает.
Советско-индийский договор о дружбе. Контакты с представителями
правительства в изгнании из Бангладеш. Г-жа Ганди прибывает
в Вашингтон. Война между Индией и Пакистаном. Война расширяется.
Кульминация: судьбоносное решение. Последствия. 64
- III. Кризис в альянсе: поправка М. Мэнсфилда и экономическое
столкновение
Средиземноморское турне. Похороны де Голля и визит Хита.
Поправка М. Мэнсфилда: старая гвардия пришла на смену. Экономический
кризис: второй «никсоновский шок». Консультации на высоком уровне:
последний раунд 145
- IV. Вьетнам, 1970—1971 годы: принудить Ханой к действию
Восемь пунктов мадам Нгуен Тхи Бинь. Определение стратегии.
Лаосская операция. Лаосская операция 1971 года. Лам Сон 719:
военная операция. Марши на Вашингтон. Возобновление переговоров.
Южновьетнамские президентские выборы. Обнародование секретных
переговоров 196

Часть вторая: 1972 год. От войны к миру

- V. Поездка Никсона в Китай
Миссия Хэйга. Приезд: рукопожатие. Мао Цзэдун.
Прогулки, переговоры и тосты. Шанхайское коммюнике. Оценки 278
- VI. Ханой делает опасный ход: вьетнамское весеннее наступление
Вторжение. Нарращивание силы. Дипломатические маневры. Какая стратегия? . . 328

VII. Секретная поездка в Москву	
Подготовка встречи на высшем уровне. Леонид Брежнев.	
Беседы с Брежневым и Громыко. Разногласие с президентом	355
VIII. Проба сил: минирование северовьетнамских портов	
Подготовка к принятию решения. Секретная встреча 2 мая. Минирование	
Северного Вьетнама. Встреча в верхах под угрозой. Заключение	397
IX. Московский саммит	
Ричард Никсон в Кремле. Приветствия и встречи.	
Советские властные структуры: Косыгин и Подгорный.	
Первый раунд переговоров по договору ОСВ: Брежнев и Никсон.	
Стычка на даче. Завершение переговоров по ОСВ.	
Громыко и Ближний Восток. Каковы результаты саммита?	436
X. Последствия саммита	
Визит к шаху Ирана. Возвращение через Варшаву.	
Советская зерновая сделка. Реакция в Европе	496
XI. Садат высылает советских представителей	
Смерть Насера. Идея промежуточного урегулирования.	
Меморандум по «Фантомам». Вовлеченность.	
Неофициальные каналы исследований.	
Египет открывает секретный канал для Соединенных Штатов	514
XII. От тупика к прорыву	
Срыв планов Ханоя. Испытание тупика. Визит в Сайгон.	
Вступление: встречи 15 и 27 сентября. Прорыв: встреча 8 октября	540
XIII. Беспокойная дорога к миру	
Промежуточные мероприятия в Париже. Консультации с Нгуен Ван Тхиеу.	
Первые проявления недовольства. Стычка с Нгуен Ван Тхиеу.	
Путешествие домой	602
XIV. «Мир близок»	
Ханой предал все огласке. Перерыв на выборы. Хэйг вновь наносит визит	
в Ханой. Встречи с Ле Дык Тхо возобновлены. Декабрьские переговоры:	
срыв переговоров. Рождественские бомбардировки. Переговоры	
возобновлены. Январский раунд. Нгуен Ван Тхиеу смягчается	639
XV. Мир, наконец	
Завершающий этап	720
Примечания	726

Часть первая:

1971 ГОД

I

АМЕРИКАНО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОРЫВ НА ДВУХ ФРОНТАХ

Во время короткого промежутка затишья Андрей Андреевич Громыко прибыл в Вашингтон в октябре 1970 года, и Ричард Никсон имел первую встречу в качестве президента с советским руководителем. Кризисы Сьенфуэгоса и Иордании были позади. Переговоры по договору об ОСВ было запланировано возобновить 2 ноября, переговоры по Берлину были начаты снова, и, несмотря на советский обман на Кубе и Ближнем Востоке, ставшая почти идефикс одержимость Никсона встречей на высшем уровне в Москве не спадала. В А. А. Громыко мы встретили искусного мастера, министра иностранных дел, который формировал политику для политбюро, не имевшего значительного опыта в знании внешнего мира, и который должен был управлять международными делами сверхдержавы из бюрократических джунглей, имея в качестве единственной силовой базы в них свою собственную компетенцию. Он был из числа выживших. Он пережил сталинский период, эпоху Молотова в Министерстве иностранных дел и изменчивую, как «американские горки», хрущевскую дипломатию. Ему было всего 34 года, когда его сделали послом в Соединенных Штатах Америки в 1943 году. Он был министром иностранных дел с 1957 года, когда сменил Дмитрия Трофимовича Шепилова после короткого пребывания на посту постоянного представителя в Организации Объединенных Наций с 1946 по 1949 год. В Овальном кабинете он встречался с Франклином Рузвельтом и каждым американским президентом после него.

Цена выживания включала пребывание в роли объекта для грубых шуток любого, кто занимал пост высшего советского руководителя. Хрущев и Брежнев в этом плане не отличались друг от друга. Хрущев однажды хвастался перед иностранным гостем, что, если Громыко прикажут сесть на брус льда со спущенными брюками, он это сделает без вопросов, пока ему не прикажут прекратить. Юмор Брежнева, хотя и не такой грубый, был в том же роде. Никто из них не ставил под сомнение, что одной из главных заслуг Громыко была буквальная преданность выполнению приказа в качестве гибкого инструмента деспотичной власти.

Лицо Громыко всегда расплывалось в улыбке, когда он становился объектом такой жестокой шутки. Только глаза оставались настороженными и слегка меланхоличными, как у гончего пса, который терпел необъяснимые прихоти своего хозяина и подчинял их своей собственной воле. Через все это Громыко пронес замкнутый вид своего рода достоинства. Он был преданным и сговорчивым, но не подобострастным. И непременно цель всегда достигалась там, где его компетенция определяла ход дискуссии. Он стал незаменимым двигателем советской внешней политики, превосходным советским дипломатом, хорошо проинформированным, уверенным в себе и неуступчивым. Он никогда не приступал к переговорам, не изучив предмет обсуждения. Вначале он мало что знал о стратегических вооружениях, но изучил их настолько хорошо, что мог, в конечном счете, проводить затяжные боевые действия даже по самым незначительным вопросам. На самом деле для Громыко не было незначительных вопросов; каждый пункт продавливался с бесстрастным упорством, разрушая все разделительные линии и позволяя ему проталкивать то, что никогда не приняли бы за что-то существенное. Он однажды заставил меня вести дискуссию целый день о том, как подсчитывать количество советских ракет, которые не имеют никакого отношения ни к одному известному типу советских ракет или программ. Это было, по сути, с технической точки зрения абсурдом, хотя с точки зрения логики абсолютно безупречно. Это был доводящий до сумасшествия теоретический аспект, фактически не имевший никакого смысла, но, если его затронуть, он должен быть исследован на предмет подводных камней. (На этот раз обошлось без них. Вопрос был снят с переговоров на следующем заседании.) В другой раз Громыко заявил, что каждый из новых запланированных стратегических бомбардировщиков Соединенных Штатов, В-1, должен учитываться как три стратегических вооружения в общем подсчете на переговорах по ОСВ. Когда его спросили, почему, он задумался, а затем заявил, что он быстрее и появится над СССР раньше В-52. Представлять скорость в качестве стратегического критерия было совершенно новой идеей. Громыко был в замешательстве, когда ему объяснили, что В-1 был намного тиходнее, чем ракеты, которые считаются только поштучно. В итоге он отказался от такого рода аргументации, сделав великодушный жест, но все же умудрился представить это как ценную уступку, за которую ему что-то полагается.

Обычно Громыко знал все нюансы предмета; это было равноценно самоубийству — вести с ним переговоры, без записей и не владея вопросами обсуждения. Он был неутомим и невозмутим. Когда он выходил из себя, всем было известно, что это тщательно спланировано. Довольно любопытно, но это снимало злость и напряженность. Его выходка никогда не носила характер личного выпада. У него была исключительная память, дававшая ему возможность накапливать каждую уступку, какой бы крохотной она ни была, которую, по его мнению, мы делали, — или даже просто намекали. Потом она становилась бы стартовой позицией на следующем раунде переговоров. Громыко не верил в гениальные ходы или значительные маневры. Присущая ему внутренняя осторожность и внутренняя политика Москвы не позволяли в это верить. До того как подняться в состав политбюро в 1973 году, он был исполнителем, а не творцом политики. После этого

он стал намного влиятельнее и заметно увереннее в себе; ближе к концу моего пребывания на своем посту он, не задумываясь, даже станет поправлять Брежнев, если будет считать, что его шеф сбился с установленного пути.

Метод переговоров Громыко становился почти стереотипом. Он казался отражением национального характера и русской истории. Как Россия расширялась на протяжении столетий, постепенно заповняла территории на плоской равнине, окружающей первоначальное Великое княжество Московское, так и Громыко предпочитал устойчивое давление смелому ходу. Он кропотливо накапливал минимальные достижения, пока они не превращались в важное отличие. Он рассчитывал на нетерпеливость своего партнера по переговорам, чтобы заполучить преимущество, которое никаким другим способом приобрести не мог бы. Он придерживал собственные уступки, по возможности, до самого последнего момента, почти всегда ближе к самому концу последнего запланированного заседания переговоров. Не было смысла тратить их попусту, как представляется, так он размышлял, пока имелась малейшая вероятность того, что противная сторона может уступить раньше. Ведя переговоры с неопытными переговорщиками, — а в сравнении с Громыко большинство переговорщиков были неопытными, — использовать такую технику было чрезвычайно эффективно. Когда, однако, кто-то это усваивал, то такая тактика оказывалась обреченной на провал. В конечном счете, становилось ясно, что, если можно охранить свое самообладание на достаточно долгое время, то Громыко раскроет, что у него в заглавнике гораздо больше, чем был готов в этом признаться.

Если это было возможно, то Громыко даже само начало переговоров пытался выторговывать. Имеется в виду, что он уже требует уступок в качестве платы только за то, чтобы сесть за стол переговоров. А после этого начинает пытаться измотать своего противника за этим столом бесконечными пререканиями по поводу «общих принципов». Как только они согласованы, он будет пытаться повторно разбирать этот вопрос, уже пререкаясь по поводу проведения его в жизнь. Предварительные договоренности, таким образом, зачастую имеют тенденцию рассыпаться в ходе толкования их значения. Что бы ни говорил неодобрительно Громыко об увязках в принципе, он свято верил во взаимную увязку друг с другом каждой детали переговоров. Он предлагал каждую уступку в зависимости от ситуации, какого-либо продвижения по какой-то другой теме. И только после того как этот тяжелый процесс продемонстрирует ему, — а может быть, что важнее всего, его начальникам, — что лимон уже выжат настолько, что сделался совершенно сухим, Громыко станет продвигаться к решению вопроса, часто весьма и весьма быстро.

А затем берет верх внутренняя подозрительность, осложненная врожденной ненадежностью самой системы и бюрократической структуры, в которой он жил. Только раз этот мастер переговоров выдаст какие-то свои эмоции — на последней стадии переговоров, после того как соглашение, по сути, завершено. Тогда Громыко, судя по всему, оказывается во власти беспричинного страха, вызванного тем, что его партнер по переговорам совершит в последний момент некий трюк и обманет его. Он спешит с подписанием — показывая, что огромная напряжен-

ность прошедших месяцев и лет все-таки сказывается на его самообладании. Или, не исключено, он опасается злословия своих коллег, если сложное принятие решений оказывается напрасным. Прежние издевки в таком случае становились бы парадоксальным отражением полного отсутствия уверенности в себе, страхом быть обманутым в итоге, несмотря на самые невероятные усилия.

Несомненно, стиль Громыко выработал благодаря советской системе. Он был слишком опытным, чтобы не знать, что какие-то предложения, которые он выдвигал, нереализуемы, даже при его упорной настойчивости. Но, вероятнее всего, он мог бы убедить своих начальников, а позже своих коллег по политбюро, только благодаря череде затянувшихся тупиков. Большая гибкость, возможно, представлялась подозрительной, подобно идеологической нечистоплотности или простой мягкотелости.

Каждый участник переговоров должен решить, в какой момент предельно допустимая выгода не стоит утраты доверия, вызванной всякими проволочками и мелкими затягиваниями, что уже фактически становится равнозначно бесчестному поведению. Непрофессионалы думают о великих дипломатах как о хитроумных людях; но умный дипломат понимает, что не может позволить обманывать своего партнера по переговорам. В конечном счете, репутация надежности и честности является важным качеством. Те же самые участники переговоров встречаются снова и снова; их способность работать друг с другом подрывается, если дипломат получает репутацию уклончивого или двуличного человека. Но в советской системе отсутствует поощрение за дальновидную сдержанность. Посему Громыко, как правило, действует, выторговывая уступки по мелочам, требуя при этом за свои минимальные изменения в позиции как можно более высокую цену. Он предпочитает бизнес не оптом, а в розницу — меньше риска. Для Громыко каждые переговоры были *табула раса*, некоей «чистой доской», когда все начиналось как бы заново. Все начиналось так, как будто не было никакой предыстории, и не устанавливалось никаких требований, никаких обязательств на будущее. Доверие, если оно вообще что-то значило, зависело от баланса интересов, который должен был определяться с нуля на каждом переговорах.

После 1973 года причина моих попыток удержать Москву от ближневосточных переговоров была частично геополитической, а частично заключалась в советском стиле ведения переговоров. Я был убежден в том, что прогресс в ближневосточной дипломатии зависел от подвижности, от сохранения позиций сторон сравнительно открытыми до тех пор, пока эти страны изучали не только правовые, но и психологические значения сказанного. Но я знаю, что Громыко, будь он вовлечен в это дело, предложил бы некий документ с бесконечными юридическими статьями, а затем педантично прорабатывал бы их одну за другой. Даже при советской доброй воле (которую я не принимал как саму собой разумеющуюся) это была дорога в тупик, к ветированию самых радикальных элементов, а следовательно, к взрыву, в конечном счете.

Порой тактика Громыко оставляла неприятное впечатление. Временами он — или те, кто принимал политические решения, — переигрывали сами себя. Абсолютный отказ пойти на риск, желание заполучить любую выгоду из перего-

воров привели к тому, как я уже продемонстрировал, что советские руководители упустили возможность проведения встречи на высшем уровне в 1970 году, когда наши переговорные позиции были слабыми, или в 1971 году до нашего объявления о пекинском саммите. Если бы Советы ответили в 1970 году, они, по крайней мере, осложнили бы реализацию нашей китайской инициативы и помешали бы нашей свободе маневра на Ближнем Востоке. Если бы Кремль прекратил свою игру в кошки-мышки в связи со встречей на высшем уровне весной 1971 года и объявил дату, его переговорные позиции значительно усилились бы. Наши многолетние критики и некоторые кремленологи возложили бы вину за любой тупик на переговорах с Москвой на наши шаги в направлении Пекина. А продолжив прессовать нас, Кремль по собственной оплошности предоставил полную свободу нашей дипломатии двигаться в направлении как Пекина, так и Москвы.

В то же время Громыко мне все больше нравился, и я стал даже уважать его. В рамках своей системы, которую представлял, он был честен. Он был человеком слова. Бывало очень трудно убедить его согласиться с чем-то, но он всегда придерживался согласованных с ним условий — или в случае необходимости изменения курса делал это с видимым смущением. Несмотря на его мрачный вид, он обладал прекрасным чувством юмора, хотя американский стиль острословия на первых порах ему не давался. Мы встретились в первый раз на приеме, устроенном президентом для глав делегаций в Организации Объединенных Наций в сентябре 1969 года. Громыко подошел ко мне и сказал: «Вы просто вылитый Генри Киссинджер». Я ответил: «Вы просто вылитый Ричард Никсон». Ему понадобилось несколько секунд на реакцию, особенно если учесть, что сопровождающие его лица не спешили улыбаться, пока он не дал отмашки. Через год он уже обрел свой стиль. Когда мы обсуждали с ним, через какой вход он должен пройти в Белый дом на встречу с Никсоном, Громыко сказал, что ему без разницы: охранники отдадут ему честь и пропустят его через любой вход, у которого он появится, кто может остановить президента? Чтобы убедиться в том, что все — особенно его коллеги — поняли, что это была шутка, он рассмеялся от души смехом, похожим на смех уличного Санта-Клауса.

Во время московского саммита 1972 года наши ксерокопировальные приборы сломались. Зная о репутации оруэлловской вездесущности КГБ, я спросил Громыко на встрече в Кремле в нарядном Екатерининском зале, не может ли он сделать несколько копий для нас, если мы протянем некоторые документы прямо к люстрам. Громыко ответил, не задумываясь ни на секунду, что, к сожалению, камеры были установлены еще царями, они годились для фотографирования людей, но не документов.

Его любимой словесной эквилибристикой было двойное или даже четверное отрицание. «Не исключено» для него было убедительным подтверждением согласия. Когда дела шли плохо, его лицо приобретало такой вид жалобного уныния, что так и тянуло в порыве сострадания ему уступить. Но более всего он бывал упорным в отношении любого курса, которым шел, используя любой аргумент, который у него находился под рукой. Однажды мы спорили вокруг двух сравнительно незначительных параграфов одного документа. Громыко настаивал про-

могласно, что параграфы — *все* параграфы — должны составляться как крещендо, то есть все время повышаясь, как бы кричать вплоть до кульминационного последнего предложения. Дав ему возможность выиграть по этому пункту, я столкнулся с ним с аналогичным аргументом по следующему параграфу. Громько сухо ответил, что некоторые параграфы должны формулироваться в диминуэндо, то есть с понижением силы звучания, как бы шептать. Я дал ему шанс. Он не смог заполучить их оба. Он предпочел крещендо в обоих параграфах.

Без всякого сомнения, Громько был одним из способнейших дипломатов, с которыми я имел дело. В какой-то период он одновременно вел переговоры по ограничению стратегических вооружений, предупреждению возникновения случайной войны, Берлину, торговле и множеству других менее значимых соглашений. Он показал себя высококвалифицированным, терпеливым и дисциплинированным переговорщиком. Он владел всеми этими темами, но не владел большим даром предвидения и не предлагал какую-то убедительную модель мирового порядка, однако этого не делала и система, которую он представлял. В его предназначение или в концепцию его собственной роли не входило ставить главные вопросы. Да он и не выжил бы так долго, если бы это делал. Чжоу Эньлай, обладая чувством культурного превосходства представителя древней цивилизации, смягчал острые углы идеологической враждебности, используя легкость манеры общения и кажущуюся непринужденную способность проникать в самую суть проблемы. Громько как представителю страны, которая никогда не господствовала, кроме как при помощи грубой силы, не хватало этой уверенности в себе. Он должен был проверять свой характер и выдержку при каждом контакте. Было довольно легко недооценить его. Его напористость бульдозера была преднамеренным методом действий, а не индикатором его тонкости и искусности. Он защищал свою страну в бурные и смутные времена; он маскировал свои слабости; он продвигался к своим целям. Он не смог достичь окончательного величия, но достиг важных целей и редко совершал ошибки, которых можно было бы избежать. Не так уж много министров иностранных дел, кому следует отдать такую дань уважения.

В октябре 1970 года я начинал свои первые шаги в общении с Громько. Он прибыл в Вашингтон во время короткого периода надежды. После официального прекращения дела Сьенфуэгоса казалось, что советско-американские отношения улучшатся. Переговоры по Берлину и контролю над вооружениями были запланированы. Накал на Ближнем Востоке ослабевал. Казалось, что имеется согласие в принципе по времени и повестке дня встречи на высшем уровне. Хотя советский ответ 25 сентября привел к переносу саммита на 1971 год, это, с точки зрения готовности Никсона, не мешало получить выгоды от раннего оповещения до ноябрьских выборов. Никсон также хотел убедиться в том, что планирование предстоящего саммита останется в рамках канала Белого дома. Он попросил меня изучить эти возможности с Добрыниным до его встречи с Громько и особенно обеспечить все так, чтобы не допустить, чтобы Громько обмолвился об этом в беседе с Роджерсом, который тоже будет присутствовать. То есть, чтобы не проговориться, что мы вели обсуждение вопроса о встрече на высшем уровне

с апреля, поскольку государственный секретарь узнал об этом только несколько недель назад.

Скоро стало очевидно, что подозрения и напряженность лета и осени сказались на обеих сторонах. Предварительная встреча с Добрыниным 17 октября приобрела несколько саркастически желчный характер. В дополнение к своим традиционным проповедям относительно американских ошибок он сказал, что Громыко прибыл для того, чтобы узнать о том, приняли ли мы решение занять жесткую позицию. Я сказал ему, что он увидит готовность президента изучать перспективы более счастливого будущего. Речь, с которой президент планировал выступить в Организации Объединенных Наций через несколько дней, будет составлена в примирительных тонах. Добрынин отметил, что Громыко будет готов обсуждать встречу на высшем уровне с президентом.

Перед встречей президента с Громыко я написал ему памятную записку по принципиальным вопросам. Встреча проходит, как я отмечал, в момент небывалой чувствительности в американо-советских отношениях. Нам необходимо спросить себя относительно действий Советов на Ближнем Востоке, их военной вылазки на Кубе, их продолжающегося наращивания стратегических вооружений, их политики избирательной разрядки, направленной на отделение нас от европейцев. У нас нет никаких веских доказательств относительно конкретных подходов советских руководителей, маневрирования, которое должно происходить с их стороны накануне съезда партии и распределения власти среди советского руководства. Я советовал не делать никаких попыток стравливать одну фракцию в Кремле с другой; мы не знали достаточно хорошо ситуацию, чтобы натравливать «голубей» против «ястребов». Лучшее, что мы могли бы получить из наших отношений с Советским Союзом, это соблюсти собственные интересы и дать возможность Советам определиться со своими. Пока еще рано говорить на данном этапе пребывания президента на своем посту о достижении фундаментального прогресса, но это, совершенно очевидно, несовместимо с неослабевающим давлением в пользу односторонних преимуществ и постоянных усилий использовать «горячие точки», что характерно для советской политики на современном этапе.

На встрече 22 октября между Громыко и Никсоном присутствовали Роджерс, я и Добрынин (и переводчики с обеих сторон). Громыко озвучил те же жалобы, что Добрынин обрисовал 17 октября. Никсон — частично потому, что он хотел оставить открытой возможность встречи на высшем уровне, а частично потому, что это было в его стиле, — отвел все обвинения самым обычным способом, подчеркнув важность поиска областей согласия, особенно в переговорах по ОСВ и торговле. Провели обзор ситуации на Ближнем Востоке, в вопросе о Берлине, европейской безопасности и Вьетнаме. Громыко не представил ничего нового, а Никсон подтвердил американскую позицию. На встрече обстановка была более сердечная, чем раньше, но никакого прорыва по существу.

К концу встречи, однако, Громыко поднял тему, которую с нетерпением ждал Никсон: идея проведения встречи на высшем уровне. Со своим обычным мастерством двойного отрицания Громыко допустил, что мысли президента по этому вопросу не противоречили мыслям советского руководства. Он предложил, чтобы

встреча была организована в какое-то время после апреля 1971 года в Москве. Никсон ради записывающего беседу сотрудника Государственного департамента сделал вид, что расценивает эту информацию как новое для него и весьма важное предложение. Никсон согласился, что саммит в Москве станет значительным событием; действительно, тема становилась так часто объектом неверного истолкования, что решение провести саммит не должно обрушиться на неосведомленную общественность и конгресс путем утечки. Он поэтому рекомендовал как можно раньше объявить об этом. Но Громыко не был бы в течение 15 лет министром иностранных дел, если бы соглашался на что-то просто так. Он намеревался использовать перспективу встречи на высшем уровне, чтобы оказать еще большее на нас давление по делам, представляющим предмет озабоченности для Советского Союза, таким как Берлин. Он стал возражать. Он не имел в виду, что объявление о встрече на высшем уровне должно быть сделано сегодня или завтра. Он возвращается в Москву 29 октября. Вскоре после этого можно было бы согласовать *время* объявления между ними. Никсон, не желая продолжать обсуждать эту тему в присутствии большой группы лиц, предложил показать Громыко свое убежище в здании исполнительного управления. Там, вдали от этой группы, находившейся в Овальном кабинете, он объяснил Громыко, что все приготовления к саммиту должны проводиться между Добрыниным и мной.

На следующий день Никсон выступил с важной речью в Организации Объединенных Наций, сделав акцент на американо-советские отношения. Не преуменьшая разногласия, Никсон занял примирительную и обнадеживающую позицию, как я и сказал Добрынину перед этим. Никсон подчеркнул наши постоянные темы: что в ядерный век классический образчик использования напряженности для извлечения односторонних выгод слишком опасен, что Соединенные Штаты хотели двигаться от эры конфронтации к эре переговоров, что мы готовы к урегулированию ожидающих своего решения вопросов на основе взаимности. Москве предоставлялся выбор между конфронтацией и переговорами; сам Никсон явно предпочитал последнее.

В тот день Никсон послал меня к Добрынину, который находился в Нью-Йорке, сопровождая Громыко в Организации Объединенных Наций, чтобы сделать еще одну попытку по поводу объявления о встрече на высшем уровне. Мы хотели бы объявить о саммите 29 или 30 октября из Сан-Клементе, как я сказал Добрынину. Не надо быть большим специалистом в области американской политики, чтобы понять этот совершенно очевидный маневр, проводимый так близко к нашим выборам в конгресс. Добрынин тут же предупредил о плохой связи (удивительное заявление для сверхдержавы) и медленном принятии решений. Но, в конце концов, он смиловился и пообещал доложить Громыко и в Москву, имея в виду ускорить ответ.

Примирительная речь Никсона в ООН тем временем была тепло принята. Газета «Крисчен сайенс монитор» 24 октября переложила бремя ответственности на Советы: «Президент констатирует неотъемлемое мышление нынешней американской дипломатии. Мы аплодируем его ответственному призыву на высоком уровне. Мы требуем от московских лидеров аналогичного ответа». «Нью-Йорк

таймс» 25 октября, отметив, что мы находимся «на перепутье», сказала, что ответ Москвы на новые вопросы Никсона «содержит ответ не только на разрядку, но и на будущее мира во всем мире».

Но отношениям не суждено было улучшиться в значительной степени. Второстепенные вопросы, как представляется, возникали почти постоянно один за другим и омрачали ситуацию. Вначале два американских генерала на маленьком самолете «Бичкрафт» 21 октября заблудились в районе турецко-советской границы и приземлились на территории Советского Союза. Никто не оспаривал тот факт, что незадачливые офицеры действовали непреднамеренно. Советские руководители, однако, не только «смотрели дареному коню в зубы», но и посчитали возможным отпустить их только за наличные. Добрынину дали указание поднять вопрос об освобождении осужденного за шпионаж советского агента Игоря Иванова. Идея обменять двух генералов, не имевших ничего общего с разведкой, на осужденного шпиона вызвала одно раздражение, тем более что Добрынин знал, что Соединенные Штаты уже рассматривали возможность освобождения Иванова. Затем в ноябре литовский моряк Симас Кудирка попытался сбежать со своего советского траулера на борт катера береговой охраны США во время переговоров о рыболовстве у берегов Массачусетса. Ошеломленный командир судна береговой охраны позволил советскому моряку забраться на борт и отправил Кудирку обратно. Это привело в ярость Никсона и меня, но все закончилось задолго до того, как кто-то из высокопоставленных официальных лиц узнал об этом деле или смог как-то помешать. (Позже оказалось, что Кудирка имел законные основания просить американское гражданство. Ему позволили эмигрировать в Соединенные Штаты после личного ходатайства президента Форда о нем перед Брежневым.)

Но реальная причина советской отчужденности была в другом. Мотивация Никсона относительно раннего объявления о визите была совершенно очевидна и носила политический характер. Советы не совсем ошибались, когда считали, что время не очень подходит с точки зрения внешней политики. Политбюро не хотело встречи на высшем уровне до решения вопроса о Берлине, и оно боялось, что, если дата саммита будет согласована, то у нас не будет достаточных мотивов продолжать эти переговоры. Еще одной и, вероятно, решающей причиной колебания Советов был неурегулированный характер взаимоотношений внутри советского руководства. После того как был свергнут Хрущев в 1964 году, Советским Союзом правил триумвират в составе Брежнева, Косыгина и Подгорного. Вплоть до почти конца 1971 года все наши связи высокого уровня с Советским Союзом проходили с Косыгиным. По мере приближения съезда партии все очевиднее стало доминирование Брежнева, но мы по-прежнему исходили из того, что принимать Никсона будет премьер-министр Косыгин. Громько не высказал возражений, когда Никсон упомянул имя Косыгина в том контексте. Пока Москва не разобралась со своими внутренними приоритетами, политбюро станет проявлять осторожность, чтобы не подвергать риску свое единство во время саммита.

В конечном счете, советское руководство по-прежнему пока еще не исчерпало все возможности по выборочной разрядке в Европе. Ослабляя напряженность в отношениях с западноевропейскими союзниками, продолжая жесткую линию